

Н.А. Макаричева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Ф.В. Макаричев

*Санкт-Петербургский государственный университет
путей сообщения императора Александра I*

ХОХЛАКОВЫ И ЖЕНСКИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются образы матери и дочери Хохлаковых в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Образ Катерины Осиповны Хохлаковой – это развитие типа «взбалмошной женщины», ранее уже возникавшего в произведениях Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот»). Но во многом этот образ неповторим за счет того, что в невезучность и непредсказуемость женской натуры доведены до логического предела, что нашло отражение не только в поведении, но и в бурлескном стиле речи героини. Образ Лизы Хохлаковой уникален по-своему. С одной стороны, в нем проявляются черты «хохлаковщины» как определенного психологического явления. С другой – показан переход «хохлаковщины» к разрушительной «карамазовщине», поэтому роль Лизы в судьбе Алеши в перспективе может стать драматической.

Женские образы, периферийные героини, тип «взбалмошной женщины», хохлаковщина, карамазовщина.

Женские персонажи в романах Ф.М. Достоевского на протяжении десятилетий становились предметом особого внимания специалистов. Несомненно, чаще всего в поле зрения были центральные героини: Соня Мармеладова, Настасья Филипповна, Аглая Епанчина, Катерина Ахмакова, Катерина Ивановна Верховцева, Аграфена Светлова.

Тем не менее, второстепенные героини или даже «периферийные» женские персонажи имеют далеко не последнее значение в романном целом.

Всех героинь в романе «Братья Карамазовы» – главных и «неглавных» – объединяет общая особенность: они являются объектами мужского внимания или изображаются «глазами» мужчин. Важно заметить, что обратной закономерности не просматривается: герои-мужчины обычно самоценны, они могут быть интересны «сами по себе», безотносительно женщин, и практически никогда не изображаются «с женской точки зрения».

Важным композиционным решением в последнем романе Достоевского было расположение глав: первой в романе идут объемные главы «Верующие бабы», а следом – глава «МалOVERная дама». Для автора такое расположение принципиально: он показывает, что все изначально есть в народе: и правда, и заблуждения, и сострадание, и решимость на вынужденное убийство и бесконечное раскаяние, и безутешное горе матери и отца от смерти ребенка. Именно поэтому повествование о народных женских типах предваряет появление дворянки Хохлаковой и ее дочери. Есть и еще один важный смысл такой последовательности: женская «природа» зачастую внесловна, крестьянки и дворянки являются носительницами общего женского начала, порой созидательного, порой – разрушительного.

Семью Хохлаковых точнее было бы назвать персонажами «второго плана», а не периферийными. Не-

смотря на то что это не первостепенные героини, Достоевский уделяет достаточно большое внимание этой семье. Хохлаковой «...было не более тридцати трех лет, и она уже лет пять как была вдовой. Четырнадцатилетняя дочь ее страдала параличом ног» [5, т. 14, с. 43]. Материнские обязанности – одна из важнейших частей ее жизни, однако интересы Хохлаковой не сводятся только к заботе о больной дочери. Интересы этой достаточно молодой женщины очень разнообразны, но при этом хаотичны. Это уникальный женский образ у Достоевского: в нем писатель сумел соединить комическое и серьезное, пародийное и самобытное.

Приведем пример. В самом начале романа в беседе со старцем Зосимой Хохлакова заводит разговор о вере и об отношении к ближнему в христианском понимании этой проблемы. Ее сомнения и вопросы по своему предваряют дальнейшие размышления Ивана Карамазова и его диалоги с Алешей на эти же темы. Но если разрешение сомнений у Хохлаковой происходит в разговоре с Зосимой без тяжелого надрыва, то сомнения и терзания Ивана драматичны, даже трагичны в контексте романа.

Более того, эта героиня – своего рода «Кассандра», в ее уста писатель вкладывает суждения и догадки о характере отношений между Катериной Ивановной и Иваном, о характере Митеньки и его возможной судьбе (подробнее об этом см.: [3, с. 182–192]). Но окружающие как будто не воспринимают это слова серьезно, причиной является особый стиль героини, который можно обозначить как «бурлескный». Весьма эксцентрична Катерина Осиповна и в своих высказываниях о женско-мужских взаимоотношениях. Например, она говорит Алеше в то время, как Катерина Ивановна рыдает из-за оскорблений, нанесенных Грушенькой: «Не верьте слезам женщины, Алексей Федорович, – я всегда против женщин в этом случае, я за мужчин» [5, т. 14, с. 177].

Сама Хохлакова мужчин не сторонится, а проявляет к ним активный женский интерес. Например, при появлении в ее жизни Перхотина она «стала почти щеголять: явились какие-то наколочки, бантики, распашоночки...» [5, т. 15, с. 13]. Кокетство этой дамы не осталось без внимания Перхотина и произвело на него весьма приятное впечатление: «И вовсе она не такая пожилая, – подумал он с приятностью, – напротив, я бы принял ее за ее дочь» (Там же, т. 14, с. 406). Более того, в романе даже возникает любовный треугольник: Перхотин – Катерина Осиповна – Ракитин. Сцена столкновения двух соперников дается с точки зрения Хохлаковой и сопровождается ее оценками и комментариями. Она рассказывает Алеше: «Вы знаете, я уже два месяца тому назад начала принимать этого скромного, милого и достойного молодого человека, Петра Ильича Перхотина, который здесь служит. <...> Ну, а ваш друг Ракитин <...> начал мне даже что-то намекать, а вдруг один раз, уходя, пожал мне ужасно крепко руку. Только что он мне пожал руку, как вдруг у меня разболелась нога. Он и прежде встречал у меня Петра Ильича и, верите ли, все шпыняет его, все шпыняет, так и мычит на него за что-то. Я только смотрю на них обоих, как они сойдутся, а внутри смеюсь» (Там же, т. 15, с. 16). В конце концов это кончилось едва ли не дракой Ракитина и Перхотина в доме Хохлаковой. Эта сцена описана Хохлаковой в том же «бурлескном стиле», который вполне адекватно соответствует психологическим особенностям героини в целом и ее состоянию на тот момент в частности: «Только вдруг я лежу, как вот теперь пред вами, и думаю: будет или не будет благородно, если я Михаила Ивановича вдруг прогоню за то, что неприлично кричит у меня в доме на моего гостя? И вот верите ли: лежу, закрыла глаза и думаю: будет или не будет благородно, и не могу решить, и мучаюсь, мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть аль не крикнуть? Один голос говорит: кричи, а другой говорит: нет, не кричи! Только что этот другой голос сказал, я вдруг и закричала, и вдруг упала в обморок. Ну, тут, разумеется, шум. Я вдруг встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мне горько вам объявить, но я не желаю вас более принимать в моем доме. Так и выгнала. Ах, Алексей Федорович! Я сама знаю, что скверно сделала, я все лгала, я вовсе на него не сердилась, но мне вдруг, главное вдруг, показалось, что это будет так хорошо, эта сцена... Только верите ли, эта сцена все-таки была натуральна, потому что я даже расплакалась и несколько дней потом плакала, а потом вдруг после обеда все и позабыла» (Там же, с. 17).

Намерение Достоевского-художника вполне очевидно: стиль Хохлаковой отражает в какой-то крайней, даже карикатурной степени непредсказуемость и изменчивость женской природы. Конечно, в качестве предшественниц Хохлаковой можно указать госпоже Москалеву, Марфу Свидригайлову и Лизавету Прокофьевну Епанчину. Все они дворянки, обеспеченные женщины, все эмоциональны, порой подвержены внезапным сменам настроения. У Москалевой, Епанчиной и Хохлаковой есть дочери, и они переживают за их будущее. Отчасти все эти героини – варианты воплощения одного психотипа «взбалмошной женщины». И все-таки при этом Катерина Осиповна Хохла-

кова не столько *типична*, сколько *индивидуальна* в этом ряду. Ее отличает бурлескный стиль как речи, так и поведения в сочетании с совершенно серьезным подтекстом ее «сумасшедших» высказываний.

Для Достоевского эта маленькая семья по-своему интересна в плане взаимоотношений матерей и дочерей, как отмечалось выше. Как правило, матери желают дочерям счастья, желают оградить их от ошибок и, еще чаще, в их судьбе хотели бы видеть воплощение своих несбывшихся по каким-то причинам мечтаний. И зачастую дочери, испытывая интенсивное влияние матерей, становятся на них похожи. Например, в романе ярко выражен интерес Катерины Осиповны к мужскому вниманию. Она умеет кокетничать, производить впечатление на мужчин, которых вполне свободно принимает в качестве гостей у себя дома. Однако это происходит лишь до тех пор, пока подобный интерес к мужскому полу не проявляется и у Лизы.

Психологически мать и дочь тоже похожи: те же перемены в настроении, внезапная смена намерений и ролей, игра в отношениях с противоположным полом характерны в равной мере для обеих. Очень показательны это в отношениях Лизы с Алешей Карамазовым. Достоевский детально изображает эту смену чувств в нескольких сценах. Лиза то выступает как влюбленная девушка и ведет себя в духе Татьяны Лариной, то как роковая женщина-разрушительница, возможно, находясь под влиянием драматического противостояния Катерины Ивановны и Грушеньки, которое происходит на ее глазах. Отношения этой героини с Алешей были принципиально важны для писателя потому, что с ними была связана перспектива сюжета второго тома дилогии. Возможно, поэтому история взаимоотношений Алеши с Лизой описывается довольно подробно, что является редким случаем для Достоевского-писателя. Автор отмечает, что все началось с детской привязанности Лизы к Алеше, который, будучи старше нее, в детстве нянчился с девочкой. Она даже полудетски-полуженски жалуется старцу Зосиме на юношу, считая, что Алеша все забыл и избегает общения с ней. Но дело совершенно в другом: отношение Алеши к Лизе очень серьезно, он не играет с девочкой-подростком, поэтому для него все уже иначе, чем в детстве. И он идет к ней с серьезными размышлениями и заботами как к такому дорогому человеку, с которым можно поделиться сокровенными мыслями. Это показывает еще и уровень доверия Алеши своей «маленькой невесте». Но прежние доверительно-дружеские отношения трансформируются в любовные, причем инициатором выступает Лиза. Она пишет Алеше любовное письмо в стиле Татьяны Лариной. Можно отметить некоторые явные аллюзии: чувство девичьего стыда, страх презрения со стороны возлюбленного, вера в судьбу. Конечно, Лиза – это не копия Татьяны, и лизино письмо тоже содержит много оригинального и самостоятельного. Сюжет отношений Лизы и Алеши тем более не повторяет сюжет Татьяны и Онегина. Например, Лиза на следующий день при встрече с Алешей пытается все свести к шутке, изобразить несерьезность намерений. Однако чувства трудно обмануть. Поэтому логично, что некогда дружеская детская привязанность пере-

растает во влюбленность. Сцена любовного объяснения довольно объемна, этот диалог Лизы и Алеши занимает несколько страниц. Обозначим в нем лишь несколько важных моментов.

Первое, что обращает на себя внимание, – поведение девушки, которое знакомо по диалогам Аглаи Епанчиной с Мышкиным: Лиза Хохлакова то нежно беседует с возлюбленным, то вдруг начинает полусерьезно осыпать его упреками. Возможно, что Достоевский допускает такие повторы, как бы пытаясь в чем-то компенсировать катастрофическую неудачу любовных взаимоотношений героев в романе «Идиот». Однако есть принципиальные отличия. Настасья Филипповна и князь Мышкин – это «вершины» любовного даже не треугольника, а многоугольника. Именно это создает особое напряжение и в отношениях между героями, и в развитии романских событий в целом. Лиза – единственная возлюбленная у Алеши. Никакой другой женщины-соперницы у нее нет. Но при этом есть важный нюанс в отношениях Алеши к Лизе, который отличает его от князя Мышкина. Если Лев Николаевич Мышкин влюбляется в Настасью Филипповну сразу, только взглянув на портрет, то Алеша на момент встречи с Лизой еще *не влюблен* в нее по-настоящему, и Лиза интуитивно это чувствует. Именно поэтому Алеша и не знает, как вести себя с Лизой, и он признается ей в этом: «Я бы желал вам всегда нравиться, Lise, но не знаю, как это сделать, – пробормотал он кое-как и тоже краснея» [5, т. 14, с. 198].

Возможно, поэтому он находит выход в следовании стереотипам о поведении влюбленных, о способах проявления чувств. Именно так происходит первый поцелуй: «...я, может быть, ужасно глупо... Вы сказали, что я холоден, я взял и поцеловал... Только я вижу, что вышло глупо...» (Там же).

В этой наивной «неуклюжести» влюбленного явно проступают черты Мышкина. Помимо этого, есть и другая аллюзия на роман «Идиот»: Мышкин и Аглая размышляют об Ипполите Терентьеве, сочувствии этому страдающему молодому человеку и – шире – о сочувствии к любому униженному и несчастному. Аглая даже упрекает Мышкина: «У вас нежности нет: одна правда, стало быть, – несправедливо» (Там же, т. 8, с. 354). Князь очень высоко оценил эту душевную чуткость Аглаи и похвалил девушку так, что ей стало приятно. Между ними моментально установилась душевная близость: «...вы давеча вдруг сказали одно слово очень умное. Вы сказали про мое сомнение об Ипполите: “Тут одна только правда, а стало быть, и несправедливо”. Это я запомню и обдумаю.

Аглая вдруг вспыхнула от удовольствия» (Там же, с. 355–356).

У Алеши с Лизой тоже есть свой «Ипполит». Таким несчастным в романе является капитан Снегирев, которого публично унизил Дмитрий Карамазов. И опять значимую фразу об отношении к ближнему произносит девушка: «...нет ли тут презрения к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его душу теперь разбираем, свысока точно, а? <...>

– Нет, Lise, нет презрения, <...>. Рассудите, какое уж тут презрение, когда мы сами такие же, как он, когда все такие же, как он» (Там же, т. 14, с. 197).

Возможно, для Достоевского было принципиально важно показать, что для влюбленных многое определялось взаимным душевным сочувствием к людям обиженным и несчастным. Это по-своему логично: у влюбленных счастья в избытке, и этим чувством хочется с кем-то поделиться, сделать счастливым если не весь мир, то хотя бы кого-то рядом с собой.

Однако в романе «Братья Карамазовы» в отношениях Лизы и Алеши нужно отметить важную особенность. В Лизе Хохлаковой есть не только индивидуальные черты, но и признаки *хохлаковщины* как особого явления. Более того, эта «хохлаковщина» временами переходит в девушке в *карамазовщину*. Хохлаковщина проявляется в том, что Лиза никак не может оставаться *постоянной*, прежде всего в своих чувствах к Алеше, управлять этими чувствами. Например, после первого поцелуя следует быстрая смена нескольких «тем»: смущение, что она в неподобающем платье, потом она «перескакивает» на разговор о костюме для Алеши. Возможно, это попытка скрыть свое смущение, возможно, – элемент женского восприятия и женского поведения, когда хочется, чтобы «все было красиво»: и чувства, и слова, и платье... Не стоит осуждать за это девушку, но нельзя не отметить ее способность легко переключаться с «главного» вдруг «на неглавное», переходить от глубоких чувств к разговорам о белой пуховой шляпке. В конце свидания между Алешей и Лизой как будто воцаряется взаимопонимание:

– Я к вам приду, Lise... Впредь будем вместе...

– Да, вместе, вместе! Отныне всегда вместе на всю жизнь. Слушайте, поцелуйте меня, я позволяю.

Алеша поцеловал ее.

– Ну теперь ступайте, Христос с вами! (И она перекрестила его.) <...> Алеша, мы будем счастливы! Будем мы счастливы, будем?

– Кажется, будем, Lise [5, т. 14, с. 201].

Совершенно неслучайно звучит это «кажется» у Алеши, он действительно не уверен ни в чем. И действительно, в чувствах Лизы происходит неожиданный поворот. Сначала мадам Хохлакова упоминает о том, что Лиза «взяла назад свое обещание» выйти замуж за Алешу. А потом и сама девушка говорит об этом Алеше: «...как хорошо, что я вам отказала и не буду вашей женой. Вы в мужья не годитесь: я за вас выйду, и вдруг дам вам записку, чтобы снести тому, которого люблю после вас, вы возьмете и непременно отнесете, да еще ответ принесете» (Там же, т. 15, с. 21). Как видим, мотив «записочек», который появляется с Аглаей Епанчиной, вновь возникает в «Братьях Карамазовых». Лизу как будто по-женски глубоко обижает неспособность Алеши на ревность, его излишнее смирение перед любым ее выбором. Она даже пытается вызвать в нем ревность, придумывая несуществующие отношения с другими мужчинами (Калгановым, Дмитрием Карамазовым, Иваном). Более того, Лиза действительно пытается вызвать интерес к себе со стороны этих мужчин: Мите отсылает в острог конфет, Ивану пишет письма... Пока еще все это можно назвать «хохлаковщиной», хотя уже в этом поведении сказывается потенциальная жестокость Лизы, которой нет в ее матери.

Отношения Лизы с Иваном Карамазовым явно выходят за грань хохлаковщины. В них звучит над-рыв, уже знакомый по отношениям Катерины Ивановны с Иваном и Митей. Из главы, посвященной Лизе («Бесёнок»), мы узнаем, что помимо любовного письма Алеше было и другое письмо – Ивану. Именно с Иваном девушка поделилась тем, что разъедало ее изнутри: рассказала о своей тяге к совершению жестоких, безнравственных поступков, о том, что готова наблюдать за пытками ребенка и при этом пить «ананасный компот». Лиза раскрывается с новой стороны: как женщина, склонная к разрушению и саморазрушению. Но важна и реакция Ивана, столь не похожего на того самого брата Ивана, который перед Алешей страдал из-за «слезинки замученного ребенка». Иван вдруг поддерживает этот безобразный порыв девочки-подростка. В ответ на ее признания Иван «...вдруг засмеялся и сказал, что это в самом деле хорошо» [5, т. 15, с. 24]. Одобрение, которое получает Лиза от Ивана, как бы «фиксирует» переход хохлаковщины в карамазовщину. Далее эта двойственность, которая намечается в душе Лиза, проявляется все сильнее. Поэтому, с одной стороны, Лиза пытается найти душевную поддержку у Алеши, с другой – продолжает его мучить, вручая очередную записку к Ивану Федоровичу.

Иван в порыве злости рвет письмо Лизы на глазах Алеши, даже не читая его. И это не случайно. В Лизе Иван чувствует то, что окружает его со всех сторон – и в брате Дмитрие, и в отце, и в нем самом, – карамазовщину. Он слишком хорошо знает, что это такое, и отказывается пускать в свою жизнь очередные надрывы и драмы. Поэтому Иван отказывает Лизе в дальнейшей поддержке, отвергает ее.

Отметим еще один важный момент. Катерина Осиповна искренне беспокоится о своей дочери и старается оберегать ее от чужого влияния. Поэтому она ограничивает проявление интереса Лизы и к Алеше, и к Ивану. Она уважает их обоих, но при этом готова закрыть двери своего дома для них, если этого требуют интересы ее дочери. С Алешей – понятно, ведь он не скрывает своих намерений относительно Лизы, но Катерина Осиповна считает, что пока не пришло время для серьезных отношений. А вот с Иваном – сложнее. Хохлакова по-женски чувствует, что присутствие Ивана негативно влияет на психологическое состояние ее дочери, и пытается оградить Лизу от него: «А она мне вдруг кричит: “Я ненавижу Ивана Федоровича, я требую, чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали от дома!” Я обомлела при такой неожиданности и возражаю ей: с какой же стати буду я отказывать такому достойному молодому человеку и притом с такими познаниями и с таким несчастьем, потому что все-таки все эти истории – ведь это несчастье, а не счастье, не правда ли? Она вдруг расхохоталась над моими словами и так, знаете, оскорбительно. Ну я рада, думаю, что рассмешила ее, и припадки теперь пройдут, тем более что я сама хотела отказать Ивану Федоровичу за странные визиты без моего согласия и потребовать объяснения» (Там же, с. 19–20).

Но хохлаковщина никогда не сможет противостоять карамазовщине, сдержат ее. И Катерина Осипов-

на вряд ли сможет преодолеть карамазовские проявления Лизы, особенно если они начнут прогрессировать. Поэтому сам Достоевский предвидел дальнейшие взаимоотношения Лизы и Алеши как драматичные, если даже не трагичные. Да и путь Алеши в «заговорщики-цареубийцы» [4], возможно, определялся бы не только внешними факторами, но и внутренними, связанными с карамазовской стихией. По воспоминаниям А.Г. Достоевской, известно: «Алеша должен был, таков был план писателя, по завещанию старца Зосимы идти в мир, принять на себя его страдания и его вину. Он женится на Лизе, потом покидает ее ради прекрасной грешной Грушеньки, которая пробуждает в нем карамазовщину, и после бурного периода заблуждений и отрицаний, оставшись бездетным, облагороженный, возвращается опять в монастырь; он окружает себя там толпой детей, которых он до самой смерти любит и учит, и руководит ими. Кому не придет здесь в голову связь с рассказом Идиота о детях, кто не вспомнит маленького героя, все те восхитительные детские черты, которые открывает только любовь» [1, с. 255]. В этом сюжете есть все: и бегство от одной женщины к другой (как в «Идиоте»), и путь «великого грешника», вплоть до возможного участия в политическом заговоре, и опять знакомый по роману «Идиот» мотив учителя и де-тей...

Вторая часть романа осталась ненаписанной, поэтому о характерах героев мы можем судить лишь по тому тексту, который был опубликован. Одно несомненно: влияние героини на судьбу Алеши представляется очень неоднозначным и далеко не во всем положительным.

Итак, подведем итоги. Образ Катерины Осиповны Хохлаковой уникален в творчестве писателя. В нем есть черты, которые были намечены во «взбалмошных» героинях ранее, но именно в Хохлаковой эти черты развиваются до своего *логического предела*. Мать и дочь Хохлаковы являются у Достоевского *крайним*, возможно, *местами утрированным*, художественным воплощением непредсказуемости женщины, внезапности смены инстинктов и движений в женской душе. Причем эти психологические особенности у Лизы Хохлаковой оказывают влияние на нравственный выбор героини. Колебания между добром и злом, между «идеалом мадонны» и «идеалом содома» в мужских персонажах обычно связаны не с психологической природой героя, а с влиянием той или иной *идеи*. В женских характерах Достоевский показал иное: идеологизм чужд женщине, но сама женская природа таит в себе потенциальную опасность. Непредсказуемость, а порой и неуправляемость женской природы может привести к неверному нравственному выбору, к катастрофам в отношении с ближними, прежде всего с мужчинами и, более того, способна привести к саморазрушению. Причем если в случае с Настасьей Филипповной в романе «Идиот» поведение героини было мотивировано трагической судьбой женщины, то в Хохлаковой психологическая основа ее характера – это, скорее, явление гендерно обусловленное. Такое сочетание нравственно-психологических качеств, как у Катерины Осиповны Хохлаковой, уместно назвать «хохлаковщиной» по анало-

гии с уже давно введенными в литературоведении в оборот определениями «карамазовщина», «обломовщина», «хлестаковщина» и т.д. В Катерине Осиповне Хохлаковой мы наблюдаем именно непредсказуемость поведения и смену настроений, мотивов поведения *женщины как таковой*. В Лизе эти особенности отягощаются тенденцией к моральному саморазрушению, что и сближает девушку с Иваном Карамазовым.

Поэтому образ Лизы Хохлаковой сложнее по многим критериям.

Во-первых, в этом женском образе намечено то, чего не было в других героинях: возможность перехода *хохлаковщины* – в *карамазовщину*. Поначалу Лиза Хохлакова во многом является развитием образа Аглаи Епанчиной. Но характер Лизы Хохлаковой, как и ее судьба, несомненно, имеют индивидуальные особенности. Например, Достоевский описывает историю взаимоотношений героев с детства; затем Лиза испытывает подростково-девичью любовь к Алеше; автор в нескольких сценах с участием Лизы и Алеши показывает, как девушка трижды меняет свое отношение к возлюбленному. В этой неопределенности чувств, их изменчивости, причем без той осознанной женской игры, что характерна, например, для Грушеньки, просматривается проявление хохлаковщины. Но далее наступает иной этап: увлечение Лизы разрушительными безнравственными фантазиями, которые находят одобрение у Ивана Карамазова; наступает момент, когда Лиза, возможно, близка к суициду, –

и это уже выражение не просто подростковой психологии, но и карамазовщины. Во-вторых, судьба Лизы Хохлаковой, по воспоминаниям А.Г. Достоевской, должна быть связана с судьбой Алеши в следующей части дилогии, которую Достоевский не успел написать. И те черты характера, те особенности женского психотипа, которые были заложены Достоевским в этот женский образ, свидетельствуют о том, что влияние Лизы Хохлаковой на судьбу Алеши Карамазова могло бы быть поистине драматичным.

Литература

1. Белов, С. В. Еще одна версия о продолжении «Братьев Карамазовых» / С. В. Белов // Вопросы литературы. – 1971. – № 10. – С. 254–257. (Цитируется Свидетельство Н. Гофман в кн. «Th. M. Dostoevsky» [Berlin, 1899])
2. Борисова, В. В. «Братья и сестры» в романе «Преступление и наказание». Поэтика образов / В. В. Борисова // Достоевский и мировая культура. Альманах № 27. – Санкт-Петербург : Серебряный век, 2010. – С. 169–175.
3. Власкин, А. П. Художественная антропология – ее контекст и подтекст у Достоевского / А. П. Власкин // Достоевский и мировая культура: Альманах. – Москва, 2010. – № 27. – С. 176–192.
4. Волгин, И. Л. Судьба Алеши / И. Л. Волгин // Последний год Достоевского: исторические записки. – Москва : АСТ, 2010. – С. 30–50.
5. Достоевский, Ф. М. ПСС : в 30 томах / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972–1990. В статье все ссылки на тексты произведений даются на данное собрание сочинение с указанием тома и страницы.

N.A. Makaricheva, F.V. Makarichev

THE KHOKHLAKOV'S AND FEMALE MINOR CHARACTERS IN THE NOVEL THE BROTHERS KARAMAZOV BY F.M. DOSTOYEVSKY

The article examines the images of the Khokhlakovs, mother and daughter, in the novel *The Brothers Karamazov* by F.M. Dostoyevsky. The character of Katerina Osipovna Khokhlakova is the development of the type of «unbalanced woman» that appeared in Dostoyevsky's previous works, e.g. *Crime and Punishment*, *Idiot*. However, in many ways this image is unique due to the fact that the abruptness and unpredictability of a female nature are brought to a logical limit in it, which is reflected not only in the behavior, but also in the burlesque style of the heroine's speech. The image of Lisa Khokhlakova is unique in its own way. On the one hand, it shows the features of «Khokhlakovism» as a certain psychological phenomenon. On the other hand, the transition of the «Khokhlakovism» to the destructive «Karamazovism» is shown, so Lisa's role in the fate of Alyosha is pregnant with a family drama in the future.

Female images, minor heroines, the type of «unbalanced woman», Khokhlakovism, Karamazovism.